

И.Г. Атаманенко

ЖЕНЩИНЫ В ВОЙНЕ РАЗВЕДОК

АНАТОМИЯ
СПЕЦСЛУЖБ

Анатомия спецслужб

Игорь Атаманенко

Женщины в войне разведок

«ВЕЧЕ»

2018

Атаманенко И. Г.

Женщины в войне разведок / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Анатомия спецслужб)

ISBN 978-5-4484-7749-2

Агентессы-обольстительницы Дарья Ливен, Коко Шанель, Чиччолина через «дипломатию подушек» выводывали у западноевропейских премьер-министров секреты для своих кураторов... Франция свои провалы в Первой мировой войне списала на куртизанку Мату Хари, обвинив ее в шпионаже в пользу Германии. Женщину казнили, а кинематограф сделал из нее королеву шпионажа... Разведчицу Африку де Лас Эрас рассекретили лишь в канун XXI века, но операции, в которых она участвовала, еще лет 50 останутся под грифом «совершенно секретно»... Свою осведомленность о роли женщин в войне разведок вообще и о «секс-шпионаже» в частности Вы расширите многократно, осилив 20 глав этой книги.

ISBN 978-5-4484-7749-2

© Атаманенко И. Г., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Покровительство императрицы	8
Юная вещунья	9
Выход на дипломатический простор	9
В туманном Альбионе	10
«Дипломатия подушек»	12
Смена партнера во благо империи	13
Париж: продолжение разведсессии	13
Глава вторая	16
Востребована многократно	16
Разведывательный тандем	17
Безуспешные переговоры	18
Оракул внешней разведки	19
Разведчики в рясах	20
Тандем «Кин» – «Ирина» в стане викингов	21
Из разведки – в ГУЛАГ	21
Без права на славу, во славу державы ²	22
Глава третья	23
Киношный шпионаж и реальная разведка	23
Розенцвейг становится зарубиной	23
Рекламное бюро «кочек»	24
Рассорить Францию с Германией!	25
«Вдоль обрыва, по-над пропастью...»	27
«Брайтенбах», «Вальтер», «Ханум» и «Вардо»	28
Внимание: «Манхэттенский проект»!	30
Для достойного нету достойных наград...	30
Глава четвертая	32
В шаге от провала	32
Рисковая Африка	32
Любимая радистка легендарного разведчика	33
Выход в «открытое море» разведки	34
Муж по разнарядке	35
Супружеские разведывательные тандемы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

И. Атаманенко

Женщины в войне разведок

Знак информационной продукции 12+

Издается в авторской редакции.

© Атаманенко И.Г., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Тайная война разведок, история которой насчитывает более трех тысяч лет, никогда не прекращалась. Особая роль в ней принадлежит женщинам-разведчицам и агентессам-обольстительницам.

Авторитетный эксперт германских спецслужб Пауль Леверкюн на вопрос: «А женское ли это дело – добывание секретов?» отвечал так: «Тайна, которую нельзя узнать через женщину, по всей вероятности, так и останется тайной навсегда...» И далее: «...Еще полезнее иметь дело с женщинами-агентами, как порядочными, так и продажными. Они редко возбуждают подозрение и могут раскрыть тайну в такой обстановке, где мужчины оказались бы бессильными и недостаточно ловкими».

Штатные психологи спецслужб – как отечественных, так и иностранных – установили, что разведчики-женщины работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины.

«Разведчики в юбках» более наблюдательны и у них лучше развиты все виды памяти и интуиция. Они придают большее значение мелочам, мимо которых пройдет разведчик-мужчина, а уж об их способностях к иностранным языкам и склонности к лицедейству вообще ходят легенды.

Кроме того, что немаловажно – женщины усидчивее, терпеливее, скрупулезнее мужчин. Наконец, женщины лучше слышат и обладают более тонким обонянием.

Но самое поразительное в том, что женщины в состоянии обдумывать несколько проблем одновременно.

Эти качества присущи всем женщинам, независимо от их расовой принадлежности, образования и социального статуса.

Если же к перечисленным достоинствам добавить еще и внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением...

С большой долей уверенности можно утверждать, что в XXI веке наступит торжество окончательного равноправия мужчин с женщинами даже в такой специфической сфере человеческой деятельности, как контрразведка и разведка. И подтверждение тому мы находим в архиконсервативной Великобритании, где именно спецслужбы (это ли не парадокс!) задают тон в этом вопросе.

В недавно вышедшей книге из серии «Разведчики и шпионы» приводятся данные об «элегантной агентуре» английских спецслужб:

«Более 40 % сотрудников МИ-6 (разведка) и МИ-5 (контрразведка) Англии – женщины. Помимо Стеллы Римингтон, в 1991—1996 годах возглавлявшей службу МИ-5, руководителями четырех из двенадцати отделов контрразведки также являются женщины».

Выступая перед членами британского парламента, Римингтон заявила, что в сложных ситуациях женщины, в сравнении с мужчинами, зачастую оказываются более решительными при выполнении спецзаданий и в меньшей степени подвержены сомнениям и угрызениям совести за содеянное...

У отечественных экспертов и историков спецслужб на этот счет отдельное мнение. Не умаляя личных достоинств и оперативных заслуг разведчиков-женщин – Африки де Лас Эрас Гавилан, Китти Харрис, Елены Модржинской и многих других, – с риском для жизни выполнявших задания накануне и в годы Второй мировой войны, они считают, что сильной стороной отечественной разведслужбы всё-таки являлось сочетание лучших психологических качеств мужчин и женщин, которые вели разведку за кордоном.

Ведь такие разведывательные тандемы, как Гоар и Геворк Вартанян, Ирина Алимова и Шамиль Хамзин, Галина и Михаил Фёдоровы и многие другие – известные и неизвест-

ные широкой общественности, составили золотой, недевальвируемый фонд внешней разведки страны!

Подтверждение этим высказываниям и оценке роли женщин-разведчиц в деле добывания секретов вы найдете в этой книге, где с обескураживающей прямоотой изложено всё, что в деятельности секретных служб и их штатных помощниц кажется загадочным и необъяснимым.

Часть первая

Рассекреченные судьбы

Глава первая

У императора на личной связи

Десятилетиями советские историки и писатели внушали нам, что первой русской женщиной-дипломатом была Александра Коллонтай. Тем самым они в угоду политической целесообразности извратили историческую правду, так как в реальности первой россиянкой-дипломатом была Дарья Ливен, урожденная Доротея Христофоровна фон Бенкендорф. Но поскольку ее старший брат Александр Христофорович фон Бенкендорф был заклеимен как «жандарм России № 1», то и сестрице вход в отечественную историографию был закрыт.

Пришло время, и Кесарю воздали кесарево – признали, что герой войны 1812 года, Георгиевский кавалер, освободитель Голландии от наполеоновского ига, боевой генерал Бенкендорф, возглавляя Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, одним из первых деятелей в истории России пытался создать государственный механизм борьбы с коррупцией и казнокрадством; что ходатайствовал он перед царем за Пушкина, Лермонтова и Гоголя, а в числе его близких друзей был декабрист Сергей Волконский...

Право Дарьи Ливен на достойное место в истории дипломатии и разведки тоже отчасти восстановлено – преданы гласности эпизоды секретной миссии, которую она выполняла в Западной Европе по личному указанию Александра I.

Покровительство императрицы

28 декабря 1785 года в семье рижского военного губернатора генерала от инфантерии Христофора Ивановича фон Бенкендорфа родилась дочь, которую нарекли Доротеей. Ее мать Анна-Юлиана была подругой детства принцессы Софии Марии Доротеи Августы Луизы фон Вюртемберг – будущей императрицы Марии Фёдоровны, второй супруги Павла I. После смерти Анны-Юлианы ее дочь осталась на попечении императрицы.

Мария Фёдоровна курировала Смольный институт благородных девиц и в 1796 году поместила туда Доротею, хотя та уже вышла из подходящего для приема в Смольный возраста. Там девочка получила лучшее по тому времени образование, выучила и свободно владела четырьмя (помимо русского) европейскими языками и в 1799 году, то есть в свои четырнадцать лет, была пожалована во фрейлины. В начале февраля 1800 года, когда Доротея досрочно окончила институт, Мария Фёдоровна с ретивостью профессиональной свахи занялась обустройством личной жизни своей любимицы.

Первый кандидат в мужа – генерал-лейтенант граф Алексей Андреевич Аракчеев «гусарил по жизни», поэтому был отвергнут юной, но не по годам прагматичной фрейлиной. Запасники императрицы были неисчерпаемы, и очередной кандидат – граф Христофор Андреевич Ливен, начальник Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества подошел по всем статьям. Помолвка была скоротечной, и Доротея фон Бенкендорф в свои неполные пятнадцать лет от роду – 24 февраля 1800 года благополучно отбыла замуж, став графиней Дарьей Ливен.

В то время как генерал-адъютант Христофор Ливен делал военную карьеру, Дарья вела веселую светскую жизнь, танцевала и флиртовала. У нее случился ряд любовных романов, два

из которых – с младшим братом императора великим князем Константином Павловичем и с князем Петром Петровичем Долгоруким – наделали много шума и долго обсуждались в свете.

Юная вещунья

В конце июля 1807 года в парадных залах Большого Екатерининского дворца в Царском Селе состоялся бал в честь завершения переговоров между Александром I и Наполеоном в Тильзите. Политика сближения с Францией и вражды с Англией, которую русскому императору навязал император-француз, вызвала неодобрение русского дворянства, как задевавшая его экономические интересы. Устраивая балы и пышные празднества в честь заключенного союза с Наполеоном, Александр I пытался убедить окружение, что Россия не только не проиграла от достигнутых договоренностей, наоборот, получила преимущества. Высший свет относился к этому настороженно, а серьезные аналитики считали, что хотя царь и недостаточно глубок и тонок, чтобы обмануть Наполеона, но слишком хитер (он же – «византийский мудрец»!), чтобы Бонапарт мог его надолго обмануть.

...Великосветские дамы замерли в желании быть приглашенными на танец императором, который не просто любил танцевать, но был общепризнанным виртуозом вальса. К вящему огорчению и жгучей зависти женской половины зала, приглашения удостоилась молодая графиня Ливен, с которой Александр I вместе воспитывался. С последней их встречи минуло семь лет, и приглашение на танец должно было продемонстрировать ей, что некогда пай-мальчик Алекс, став императором, не забыл о совместно проведенном детстве.

Нисколько не обращая внимания на присутствующих, Александр I и Дарья в танце обменивались репликами:

– Мне больше нравится имя Доротея, и позвольте я буду называть вас так. Оно подходит вам, в нем слышится что-то неукротимое...

– Ваше величество! Если бы вы сумели хоть на время укротить Бонапарта...

– Почему же на время? Наш союз будет продолжительным и прочным.

– О нет, ваше величество! Вспомните мои слова через пять лет...

Государь заметно помрачнел.

– Я еще никогда во время танца не говорил с женщиной о политике. Ценю вашу решительность, ибо не всякий из моих министров отважится сказать мне в лицо столь дерзкие слова...

– Ваше величество, закон Паскаля гласит: «Опереться можно лишь о то, что сопротивляется». Мое неприятие Тильзитского договора не означает, что вы не можете на меня положиться, поэтому я не боюсь навлечь на себя ваш государев гнев!

– Приятно скрестить шпаги с смелой женщиной. Я бы сказал, с женщиной мужского ума. Впрочем, оставим это. Посмотрите, какой красивый фейерверк!»

Великосветская знать, которая внимала каждому слову самодержца и его партнерши, не придавала значения отношению Дарьи к Тильзитскому договору, но хорошо запомнила ее предсказание. И 24 июня 1812 года, когда полчища Наполеона форсировали Неман и вторглись в пределы России, Дарья в свете получила прозвище «Сивилла»¹.

Выход на дипломатический простор

Очередная встреча Дарьи с Александром I была сугубо официальной и состоялась в 1809 году, когда царь напутствовал нового посла в Берлине Христофора Андреевича Ливена, сменившего военный мундир на сюртук дипломата. Со светской полуулыбкой взглянув на стоящую рядом с ним Дарью, император, вспомнив происшедшую между ними пикировку, мно-

гозначительно произнес: «Надеюсь, граф, что ваша отважная супруга будет вам надежной помощницей всё время вашей миссии в Пруссии!»

...Хотя в Берлине Дарья начала с успехом постигать искусство женской дипломатии, в которой со временем она станет одной из самых искусных и ловких представительниц, тем не менее всё в Пруссии казалось ей мелким и скучным. И тогда графиня, чтобы найти подобающее применение распиравшим ее духовным силам, а также с целью удовлетворить собственное тщеславие, открыла при посольстве светский литературно-политический салон, который стала посещать берлинская знать.

На приемах, балах, званых вечерах, во время прогулок и карточных партий завязывались полезные знакомства, а из разговоров приезжавших из всех стран Европы дипломатов можно было почерпнуть немало интересной информации. Этим был обязан заниматься по долгу службы посол Ливен, но особенно много полезных сведений удалось добыть его жене.

Харизма этой молодой хорошенькой женщины, с виду легкомысленной аристократки, действовала гипнотически, перед ней было не устоять самому прожженному политику, и чтобы завоевать ее благорасположение, каждый из гостей салона готов был выпрыгнуть из штанов, а в стремлении доказать свою близость к сильным мира сего без оглядки бравировал своей осведомленностью в секретах. Дарья не только слушала и запоминала. Настроившись на волну собеседника, она наводящими вопросами получала исчерпывающие данные об интересующем ее предмете. Да и вообще, о ее красноречии и даре убеждения ходили легенды – все, знавшие Дарью, утверждали, что она смогла бы убедить даже голодного тигра не растерзать ее, если бы тот понимал человеческий язык...

Еще в 1810 году Дарья в своем салоне первой получила информацию об антироссийской направленности прусско-французских и австро-французских переговоров; о намерении Наполеона напасть на Россию; о плане австрийского канцлера Меттерниха вопреки союзническому договору с Россией прекратить войну с Наполеоном и заключить с ним сепаратный мир (что и было сделано австрийком-предателем, но, благодаря своевременному сигналу Дарьи, это произошло лишь в марте 1812 года). Графиня обо всем немедленно извещала Александра I письмами, которые в целях конспирации подписывала своим прозвищем – «Сивилла».

Однако за исключением подобных ярких моментов политической жизни всё в Пруссии представлялось Дарье совершенно никчемным. Это сказалось на ее отношении к салону: она почти забросила его, занявшись воспитанием детей, сопровождала их в деревню, на море. Но всё это не могло развеять ее сплин, и она тайно надеялась, что пребывание в Берлине скоро завершится. Ура! – ее надежды оправдались, и 30 июня 1812 года Христофор Ливен был отозван в Россию для получения нового назначения.

...Немцы говорят: «из всякого свинства нужно вырезать кусочек ветчины для себя» – как бы ни тяготилась Дарья пребыванием в Берлине, именно там у нее пробудился интерес к международным делам, там она почувствовала вкус к аналитической разведке и сделала первые шаги на этом тернистом пути «как тайный сугубо личный конфидендент Александра I». На языке профессионалов это звучит так: «император, выступив в роли оператора, принял Дарью Ливен на личную связь в качестве секретного агента под псевдонимом “Сивилла”».

В туманном Альбионе

В октябре 1812 года, во многом благодаря заслугам своей супруги в предшествовавших событиях, граф Ливен получил должность посла в Лондоне, которая являлась ключевым постом для политической жизни России. В Англии Дарья развернулась во всем блеске своих

недюжинных дарований и всерьез занялась дипломатической и разведывательной деятельностью.

По прибытии в Лондон она первое время увлеченно познавала новую для себя реальность, но потом пошла по опробованной в Берлине стезе: открыла в элитном районе Лондона светский салон. Он стал популярен среди «сливок» британского общества: членов королевской семьи, парламентариев, министров, политиков из партий вигов и тори, а она утвердилась в роли светской львицы и общепризнанной законодательницы мод Англии. Однако на достигнутом Дарья не успокоилась и приумножила свой персональный успех на дипломатическом поприще: благодаря своему уму и энергии, стала фактическим главой посольства, превзойдя своего супруга и по дипломатическим способностям, и по политическим талантам.

Местные политики с удивлением отмечали, что графиня Ливен первая и единственная женщина-иностранка, которой удалось приобрести настолько серьезное влияние и авторитет среди представителей местного истеблишмента, что она бесперебойно получает информацию обо всех проблемах британского общества из первых рук.

Никому и в голову не приходило, что добытые сведения графиня шлет не в министерство иностранных дел – российскому императору, по каналу, только им двоим известному...

* * *

Получить приглашение в салон Дарьи Христофоровны считалось большой честью. На протяжении 22 лет (1812—1834) то было место неофициальных встреч видных деятелей и политиков всех государств Европы. Имена некоторых завсегдатаев салона всемирно известны: герцог фельдмаршал Веллингтон, герой Ватерлоо, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании; великий поэт лорд Джордж Байрон; Шарль Морис Талейран, французский посол в Лондоне. Да-да, тот самый герцог Беневентский епископ Отенский светлейший князь Талейран-Перигор, аристократ в пятом поколении, отрекшийся от своей родословной, чтобы стать дипломатом и министром Французской республики; предавший затем Республику Наполеону, а его – Бурбонам, чтобы еще через полтора десятилетия перейти на службу к королю-буржуа Луи-Филиппу Орлеанскому, предав ему Бурбонов; чье имя стало синонимом дипломатической изворотливости и коварства. О Талейране современники говорили, что он так богат, потому что продавал всех, кто его покупал. После его смерти во Франции ходила шутка: «Талейран умер? Интересно, сколько он на этом наварил?»

В 1808 году во время Эрфуртского свидания французского и русского императоров Талейран, намереваясь «срубить деньжат», с соблюдением мер конспирации вышел на Александра I и заявил о желании поработать в пользу России. Действительно, в течение года он состоял сугубо личным конфиденнтом российского императора и в секретной дипломатической переписке проходил под кодовым именем «Кузен Анри», «Юрисконсульт», «Книгопродавец» или просто «Анна Ивановна». За огромные деньги он сообщал Александру I кое-что несущественное о планах Наполеона.

* * *

Деятельность Дарьи по добыванию информации не ограничивалась рамками салона – она регулярно выезжала в те уголки Великобритании, где обитали ее высокопоставленные знакомые, которые числились членами ее салона-клуба. Эта динамичная жизнь позволяла ей постоянно быть в курсе всех важнейших английских новостей и даже слухов, а уж в том, что от ее пытливого ума и проницательности не ускользали малейшие нюансы еще не созревших решений главы Букингемского дворца, можно не сомневаться!

Особо привечаемой гостьей Ливен была в летней резиденции короля Георга IV в Брайтоне и в официальной резиденции британских монархов – Букингемском дворце в Лондоне.

Георг IV и супруги Ливен настолько прониклись взаимной симпатией и так сблизились, что в опочивальне короля висел портрет графини – творение знаменитого придворного художника XVIII—XIX вв. Лоуренса. Когда же в 1819 году Дарья родила в Лондоне сына, его назвали Георгием в честь английского короля. Последний, узнав об этом, тут же вызвался быть крестным отцом и без устали повторял, что он и младенец похожи, как две капли воды. Правда, злые языки окрестили младенца «сыном Конгресса», намекая на то, что его отец – князь Клеменс фон Меттерних, канцлер Австрии.

«Дипломатия подушек»

В сентябре 1814 года по личному указанию Александра I супруги Ливен из Лондона прибыли в Вену для участия в общеевропейской конференции (в историю она вошла как Венский конгресс), где было объявлено о завершении наполеоновских войн и наступлении мира. После исчезновения Наполеона из политической жизни Александр I намеревался занять его место и играть в Европе главенствующую роль. Однако канцлер Австрии Меттерних, страшась усиления России на международной арене, затеял свою игру и исподволь торпедировал его инициативы. Российский император попытался подкупить австрияка, назначив ему секретную «пенсию». Канцлер деньги брал, но гнул свою линию.

Чтобы быть в курсе планов Меттерниха, известного волочили и блудодея, Александр I решил использовать его страсть к молодым красивым женщинам и дал задание «Сивилле» соблазнить его. При этом действовал император не по наитию, а зная наверняка (из рассказов младшего брата Константина, прежнего любовника Дарьи) ее игривый нрав и склонность к флирту с «клубничкой»...

29 ноября 1814 года Людвиг ван Бетховен в присутствии коронованных особ дирижировал победно-патриотической кантатой «Славный миг». В этой атмосфере праздника и взаимного обожания министр иностранных дел России Карл Нессельроде по «просьбе» императора представил графиню «хозяину» Венского конгресса – Меттерниху. Увидев Дарью, тот упал перед ней на колени и стал лобызать ее оголенные по локоть руки. Не было никаких сомнений, что канцлер влюбился в нее, как мальчишка с первого взгляда и по уши. Дарья же, сохраняя пафос дистанции, весьма сдержанно приняла изъяснения его чувств.

Меттерних обожал танцы, а узнав, что объект его вожделений страстная поклонница вальса, пришел в неописуемый восторг и... В общем, с тех пор балов на Венском конгрессе стало гораздо больше, чем заседаний.

...Кружась в вальсе, получать детальную информацию невозможно, как бы откровенен ни был партнер, поэтому встречи «влюбленных» из бального зала плавно переместились в загородный дом канцлера, превратившись из светских в просто уединенные, а затем в откровенно интимные. На следующий день после свидания с канцлером секреты, добытые Дарьей в ходе «дипломатии подушек», ею лично докладывались оператору-императору, в худшем случае пересказывались ему Карлом Нессельроде.

Так Александр I узнал о тайных переговорах Меттерниха с министром иностранных дел Англии Робертом Каслри и с прусским канцлером Карлом Августом фон Гарденбергом. На этих переговорах речь шла о согласии на временную оккупацию Саксонии пруссаками на том условии, что Пруссия объединится с Австрией и Англией для противодействия реализации русских проектов в Польше.

В июне 1815 года Венский конгресс, длившийся 9 месяцев, наконец-то завершился выработкой Венской системы международных отношений, ведущая роль в которой принадлежала

странам-победительницам – России, Австрии и Великобритании. А 14 сентября 1815 года по инициативе Александра I был создан Священный союз – военно-политический блок России, Пруссии и Австрии, чьей целью стало обеспечение незыблемости европейских монархий и подавление любых революционных выступлений.

В конце 1815 года Дарью Христофоровну (ее, а не мужа-посла!) министр иностранных дел Нессельроде вызвал в Санкт-Петербург, где 12 января 1816 года ей за заслуги перед Отечеством Александр I лично вручил орден Св. Екатерины 2-й степени.

Находясь под впечатлением от общения с Дарьей, Александр I заметил ее брату Александру Бенкендорфу: «Ваша сестра уехала из России молодой женщиной, а сегодня я нашел ее состоявшимся государственным деятелем».

Смена партнера во благо империи

Графиня и канцлер состояли в любовной связи десять лет, и Александр I всячески способствовал их отношениям, предоставляя «Сивилле» возможность участвовать в работе Венского конгресса: в Аахене в 1818 году, в Троппау в 1820 году, в Вероне в 1822-м. Но как только «Сивилла» известила царя о тайных попытках Меттерниха договориться с Англией за спиной России, он решил сделать резкий поворот во внешней политике и первым заключить союз с Лондоном. Но для этого надо было подготовить почву. И тогда Дарья вновь была вызвана (одна, без мужа!) в Санкт-Петербург.

В ходе конфиденциальной беседы Александр I предложил разведчице порвать связь с Меттернихом и начать сближаться с кем-нибудь из англичан, облеченных властью. Дарья принялась было живописать свои отношения с королем Георгом IV, на что император холодно заметил: «Он царствует, но не правит. Найдите того, кто определяет внешнюю политику Англии, и любым способом сделайте его своим... другим, дабы в дальнейшем он содействовал сближению с Россией!»

...Пожелание оператора – закон для агента, и «Сивилла», поднаторевшая в искусстве оболыщания и добывания секретов в алькове Меттерниха, преуспела и в будуаре Джорджа Каннинга, влиятельнейшего политика, сначала министра иностранных дел, а затем премьер-министра Англии. Полученную от «душки Джорджа» информацию она незамедлительно переправляла в Санкт-Петербург.

Любовная связь Каннинга и Ливен продолжалась три года и не прервалась даже со смертью Александра I. Английский премьер-министр был настолько очарован Дарьей, что всецело находился под ее влиянием. Ряд принятых им весомых политических решений не обошлись без непосредственного участия графини. Так, в 1827 году ее стараниями Англия поддержала Россию в освободительной борьбе греков против османского ига, подписав совместную (Лондонскую) конвенцию о предоставлении Греции автономии.

Париж: продолжение разведсессии

Вслед за восшествием на престол Николая I послу Ливену был пожалован княжеский титул, а в 1828 году, когда умерла его мать, царь присвоил новоиспеченной княгине Дарье Христофоровне звание статс-дамы и назначил воспитательницей императорских детей.

Насколько упрочилось положение супругов Ливен при дворе российского императора, настолько оно ослабло при дворе английского короля. Причиной тому стали неразрешимые противоречия между Россией и Великобританией, возникшие после русско-турецкой войны и усмирения русскими войсками польского восстания. В 1834 супруги Ливен вернулись в Петербург.

Однообразие жизни в Царском Селе и полное отсутствие общественной деятельности, к которой привыкла Дарья Христофоровна за время пребывания в Лондоне, тяготили ее. Ко всему, в марте 1835 года умерли от скарлатины ее младшие сыновья – Георгий и Артур (назван в честь своего крестного отца – герцога Веллингтона). Их смерть подорвала и без того слабое здоровье Дарьи. Врачи предписали ей на время уехать из России.

Княгиня Ливен обосновалась в Париже, и ее политический салон, ставший «дозорной вышкой Европы», успешно конкурировал с самыми престижными салонами европейских столиц. Безвременная кончина сыновей, по которым Дарья неизменно носила траур, не отразилась на ее красоте. В свои пятьдесят с небольшим она выглядела на тридцать пять, на нее по-прежнему западали титулованные мужчины всех возрастов.

Париж 1837 года оказался идеальным местом для авантюрной натуры Дарьи, она с головой окунулась в его бурную жизнь страстей и интриг. Этому способствовал Талейран, который издавна питал слабость к красавице Ливен и всячески подчеркивал ей свое покровительство. Оно, в частности, выразилось в домогательствах продать ей за несколько сотен тысяч франков один из своих замков...

...Очень скоро Дарья Христофоровна ощутила резко изменившееся к ней отношение правящей верхушки России. К тому же муж однозначно приказывал ей вернуться на родину. А всё из-за того, что Николаю I не нравилось, что она с ее политическими и дипломатическими талантами отказалась служить ему на родине, предпочтя свободную жизнь в Париже.

После смерти мужа в 1839 году княгиня получила полную свободу действий, и ее любовником стал премьер-министр Франции Франсуа Гизо.

К 1843 году конфликт с Николаем I был улажен, и «Сивилла», для которой добывание политической информации являлось главной страстью жизни, вновь стала «корреспонденткой» императорского двора.

С приближением Крымской войны Дарья с маниакальным постоянством слала в Петербург депешки, предупреждавшие о грозящей России опасности. Однако Николай I, в отличие от своего старшего брата Александра Павловича, игнорировал эти послания, считая их женскими выдумками, недостойными его августейшего внимания. Когда же война всё-таки «неожиданно» грянула, император попросил «Сивиллу» использовать свою близость с Ф. Гизо и стать негласным посредником между враждующими сторонами.

НЕ ВОЗВРАТИТСЯ БОЛЕЕ В ДОМ СВОЙ,

И МЕСТО ЕГО НЕ БУДЕТ УЖЕ ЗНАТЬ ЕГО

Библия, Книга Иова гл.7, стих 10

В начале 1857 года Дарья Христофоровна тяжело заболела бронхитом, и на руках сына Павла и Ф. Гизо в ночь с 26 на 27 января скончалась. Облаченная в черное бархатное платье фрейлины российского императорского двора, с княжеской короной на голове и с распятием из слоновой кости в руках, она, согласно ее желанию, была предана земле в семейной усыпальнице в местечке Межотня (Курляндия).

P.S. То, что совершила Дарья Ливен, больше, чем одномоментный подвиг, – это (!) сорокапятилетнее самопожертвование во имя Отечества. В своем подвижничестве графиня решилась на то, что многим и поныне представляется грязным способом добывания разведывательных данных под названием «секс-шпионаж». Циники! Патриотам, кто пошел на подобное самопожертвование ради безопасности Родины, надо поклониться в пояс, как бы пафосно это не звучало.

1 Сивилла (Сибилла) – не столько имя собственное в греческой и римской античной культуре, сколько обобщенное наименование прорицательницы.

Глава вторая

Из разведчиков в литераторы

В январе 1992 года меня и троих студентов из северокавказских республик руководство Литературного института делегировало для участия в похоронах знаменитого детского писателя Воскресенской Зои Ивановны.

Смеркалось, когда мы отыскиали место на Новодевичьем кладбище, где проходила панихида. В темноте мы столкнулись с группой пожилых мужчин в генеральских шинелях, которые молча прижимали к груди вишневые подушечки с орденами и медалями. Рядом – шеренга солдат почетного караула с карабинами наизготовку.

«Ты куда нас привел, Сусанин?! – зашипели кавказцы. – Здесь хоронят какого-то полководца!»

Я уже готов был ответить, что у нас в Москве так хоронят полководцев от литературы, как вдруг мертвую тишину разорвал мегафон:

«Слово предоставляется боевому товарищу Зои Ивановны Воскресенской – генерал-лейтенанту КГБ Судоплатову Павлу Анатольевичу!»

Генерал огорошил толпу в шубах и дубленках:

«Лишь вторую половину жизни Зоя Ивановна была мастером пера, а вообще-то она – великий мастер разведки, полковник, воспитанница ОГПУ. Положа руку на сердце, могу сказать, что она рождена для разведки, как птица для полета... Настал момент истины, пора рассекретить и саму Зою Ивановну, и снять гриф секретности с ее подвигов!..»

Львицы столичного бомонда в роскошных норковых манто зашлись в истерику: «Это что ж такое творится?! Нашу любимую писательницу Зоиньку, кумира детей и родителей пяти континентов, какой-то густопсовый кагэбист хочет опорочить связью с кровавым ОГПУ?! Не бывать тому!»

Ну, и так далее, и тому подобное. Вмешался мегафон, и хвалебные речи московских литераторов, в коих не было и намека на героическое военное прошлое усопшей, заполнили кладбищенский эфир. Завершилась панихида согласно воинскому ритуальному уставу – троекратным залпом.

С речи генерала Судоплатова началось, и в Зале истории внешней разведки РФ продолжилось мое знакомство с великим мастером разведки полковником Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной. Жаль, заочное.

Востребована многократно

Зоя Ивановна Воскресенская родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье помощника начальника железнодорожной станции. Детство провела в городе Алексин. В 1920 году ее отец Иван Павлович умер от туберкулеза, и его вдова Александра Дмитриевна перевезла Зою и двух ее младших братьев в Смоленск. Вскоре она слегла от тяжелой болезни, и Зоя была вынуждена в одиночку содержать семью.

В четырнадцать лет Зоя – библиотекарь 42-го батальона войск ВЧК, в семнадцать – политрук в колонии малолетних преступников, в девятнадцать – делопроизводитель в штабе частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии. Затем она трудилась на заводе имени М.И. Калинина и занималась комсомольской работой. В двадцать лет Зоя вышла замуж за комсомольского активиста В. Казутина и родила сына.

В начале 1928 года Воскресенская, став кандидатом в члены ВКП(б), принята на работу в Заднепровский райком партии Смоленска заведующей учетно-распределительным подотделом орготдела. А в конце того же года по партийной путевке уехала в столицу на работу в Ака-

демию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Перед отъездом Зоя развелась с Казутиным и сына поднимала вместе с матерью, которая тоже перебралась в столицу.

В апреле 1929 года Воскресенскую приняли в члены партии, и в августе она стала сотрудницей Иностранного отдела ОГПУ – внешней разведки. Во время обучения на разведывательных курсах у нее обнаружили потрясающие лингвистические способности: через месяц занятий она по-немецки говорила не хуже коренной жительницы Берлина!

Дебют ее разведывательной деятельности состоялся в Харбине в начале 1930 года. Никому из ее сослуживцев в советском синдикате «Союзнефть» и в голову не могло прийти, что красавица делопроизводитель Зоинька с блеском выполняет ответственные задания Центра во время жестокой борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). А большую часть своей закордонной разведывательной жизни Зоя Ивановна проведет в Хельсинки и Стокгольме: в 1935—1939 годах, работая в Финляндии, в 1941—1944 годах в Швеции.

Разведывательный тандем

В конце 1935 года Воскресенская, к тому времени искушенная разведчица, за плечами которой многообразный, в том числе и закордонный опыт работы, направлена на работу в Финляндию заместителем резидента. Ее официальное прикрытие – должность руководителя советского представительства ВАО «Интурист» в Хельсинки. Оперативный псевдоним – «Ирина». Ей хватило трех месяцев, чтобы овладеть финским языком настолько, что финны принимали ее за местную жительницу.

В начале 1936 года резидент советской внешней разведки в Финляндии был отозван в Москву и на его место прибыл титулованный разведчик Рыбкин Б.А. Его официальное прикрытие – заведующий консульским отделом по фамилии Ярцев. Кодовое имя – «Кин».

Справка из рассекреченного архива

НКВД СССР

Борис Аркадьевич Рыбкин родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в многодетной нищенствующей семье еврея-ремесленника. Окончив 4 класса сельской школы, десятилетний пацан, никогда в жизни не евший досыта, в поисках лучшей доли перебрался в Екатеринославль и, чтобы заработать на кусок хлеба, устроился в типографию учеником наборщика, где проработал 8 лет. В свободное от работы время много читал, занимался самообразованием. Без отрыва от производства окончил коммерческое училище. В 1917 году экстерном сдал экзамены за среднюю школу и стал учиться в Петроградской Горной академии.

В 1920—1921 годах Рыбкин, красноармеец Рабоче-Крестьянской Красной армии, затем – боец Екатеринославской ЧК. Окончив Высшую школу ОГПУ, Рыбкин служит в контрразведывательных подразделениях. В 1931 году «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» награжден именным боевым оружием, переведен на работу во внешнюю разведку и направлен в длительную командировку в Париж, где проработал до 1934 года. Затем последовали командировки в Персию, Болгарию, Австрию и вновь в Париж.

За время работы во внешней разведке Рыбкин Б.А. награжден орденом Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и двумя десятками медалей.

Отношения между «Кином» и «Ириной» не сложились изначально. Резидент-холостяк по отношению к своему очаровательному заместителю был предельно официален и требователен, стремясь доказать свое главенствующее положение как в должностном, так и в оперативном плане. Вот что об этом рассказывала позже Зоя Ивановна:

«Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и попросила Центр отозвать меня. В ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу».

Однажды в споре Ярцев обмолвился, что военный разведчик Германии Вальтер Николаи стал для него авторитетной фигурой после ознакомления с его трудом «Тайные силы». Чтобы узнать, чем же вражеский разведчик привлек внимание шефа, «Ирина» взяла книгу в посольской библиотеке. И – находка! – в одной главе утверждалось, что в разведке женщины работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины.

Зная о привычке Ярцева делать обход рабочих кабинетов резидентуры перед уходом домой, Зоя Ивановна «забыла» убрать книгу в сейф, оставив ее открытой на странице, где превозносилась роль женщин-разведчиц.

На следующее утро резидент попытался устроить разнос своему заму «за халатное отношение к работе с документами». Они проговорили до самого обеда. Изобретательность «Ирины» заставила «Кина» взглянуть на нее под другим углом, и сражение, нет! – *междусобойную* войну выиграли оба, а свидетельством обоюдной победы была шифртелеграмма в Москву за двумя подписями. Об этом Воскресенская написала в своих мемуарах:

«Мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой “семейственности”. Но Москва дала “добро”».

Так одним из первых в советской внешней разведке появился супружеский тандем разведчиков. Зоя Ивановна по жизни стала Воскресенской-Рыбкиной, а в иночестве – «мадам Ярцевой».

Безуспешные переговоры

«Ирина», будучи прекрасным психологом и свободно владея немецким и финским языками, активно привлекала к секретному сотрудничеству финнов и других иностранцев, аккредитованных в Финляндии. Так, ее источником была жена высокопоставленного сотрудника японского посольства в Хельсинки, которая работала на «Ирину» в течение длительного времени, в результате чего Москва получила доступ ко многим секретам финской дипломатии.

Для решения разведывательных задач «Ирина» неоднократно выезжала из Хельсинки в Стокгольм, а также в Норвегию, где координировала работу группы из агентов и разведчиков-нелегалов. И это было всего лишь одно из направлений ее оперативной деятельности в Финляндии.

«Кин», ставший временным поверенным в делах СССР в Финляндии, по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел *деликатные* переговоры с финским высшим руководством с целью заключения пакта о ненападении и сотрудничества между двумя странами; недопущения на финскую территорию немецких войск в случае возникновения войны, а также о взаимном обмене территориями.

К сожалению, из-за того, что политический курс финского правительства развивался в фарватере устремлений фашистской Германии, эти переговоры не принесли положительного результата. Позже известный финский политический деятель, экс-президент Финляндии Урхо Кекконен говорил по этому поводу:

«Переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах СССР в Хельсинки господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса к этому вопросу со стороны Финляндии».

Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Ярцевых покинуть страну.

Оракул внешней разведки

В 1939 году по возвращении в Москву Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой и вскоре стала одним из самых авторитетных аналитиков в системе разведки. Заместитель начальника советской внешней разведки того периода генерал Судоплатов по этому поводу вспоминал:

«С ноября 1940 года мы все находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Зоя Рыбкина и ее непосредственный начальник Павел Журавлев завели литературное дело под кодовым названием «ЗАТЕЯ», где сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно отслеживать развитие немецкой политики, в частности, ее возрастающую агрессивность. Данные из этого литературного дела постоянно поступали к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику в отношении Гитлера».

Именно к Воскресенской-Рыбкиной стекались все разведданные от знаменитой «Красной капеллы» – группы антифашистов, действовавших в гитлеровской Германии. Во главе организации стоял обер-лейтенант штаба ВВС Германии Харро Шульце-Бойзен (агент НКВД «Старшина»), племянник гросс-адмирала Тирпица, и Арвид Хорнак (агент НКВД «Корсиканец»), ведущий сотрудник министерства экономики Германии.

С января 1941 года они, независимо друг от друга, практически ежедневно информировали Москву о реальности нападения Германии на Советский Союз. В апреле «Корсиканец», ссылаясь на данные, добытые в общении с лицами из окружения главы внешнеполитического отдела НСДАП Альфреда Розенберга, доложил в московский Центр: «Вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен». Ему вторил «Старшина»: «Окончательно решен вопрос о выступлении Германии против Советского Союза. Начало его следует ожидать в ближайшее время».

17 июня 1941 года Зоя Ивановна закончила подготовку той знаменитой аналитической справки для И.В. Сталина, где утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Вспоминая об этом, она писала в своих мемуарах:

«Специализированная группа под моим руководством и непосредственном участии проанализировала информацию о военных планах гитлеровского командования и подготовила докладную записку. Для этого мы отобрали материалы из наиболее достоверных источников, проверили надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Аналитическая справка вышла довольно объемистой, но резюме – кратким и четким: “мы на пороге войны”.

17 июня 1941 года я, опираясь на последние сообщения “Старшины” и “Корсиканца”, с волнением поставила точку в документе. Его заключительным аккордом звучала фраза: “Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время”.

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года. Тогда же начальник внешней разведки П.М. Фитин повез доклад лично И.В. Сталину.

Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и отшвырнул его. “Это блеф, – раздраженно сказал он. – Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь!”»

У Зои Ивановны была возможность и лично убедиться в близости войны. Чтобы опровергнуть слухи о якобы готовящемся нападении на СССР и продемонстрировать свою приверженность заключенному в 1939 году германо-советскому договору, руководство Германии в

первой декаде июня 1941 года прислало в Москву группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург устроил в здании посольства прием в их честь и пригласил солистов Большого театра. Присутствовала на приеме и представитель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) госпожа Ярцева. В ее задачу, в частности, входило оценить обстановку в посольстве и настроение его сотрудников.

Ослепительная красота госпожи Ярцевой не могла не привлечь внимание посла. При первых же аккордах «Венского леса» гениального Иоганна Штрауса граф Шуленбург пригласил ее на тур вальса. В ритме танца Зоя Ивановна прошла с послом по всему залу. Заметила, что на стенах смежных комнат были отчетливо видны светлые прямоугольные пятна от снятых картин. Не ускользнула от разведчицы и груда чемоданов, возвышавшихся напротив открытой двери одной из комнат. Наблюдения Зои Ивановны являлись подтверждением, хотя и косвенным, агентурных данных о скором начале войны. Обо всем увиденном она в тот же вечер письменно доложила руководству внешней разведки, отметив в заключении:

«Германское посольство в Москве по указке из Берлина ведет продуманную в мельчайших деталях и нюансах, тщательно скоординированную и неукоснительно претворяемую в жизнь дезинформационную кампанию, чтобы ввести в заблуждение советское руководство относительно целей Гитлера и, таким образом, зашифровать готовящееся нападение на СССР».

Разведчики в рясах

С первых дней войны Воскресенская-Рыбкина вошла в Особую группу НКВД, возглавляемую заместителем начальника внешней разведки генералом П.А. Судоплатовым. Особая группа занималась подбором, обучением и заброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. И Зоя Ивановна стала одним из создателей партизанского отряда № 1 под командованием легендарного Никифора Захаровича Каляды по прозвищу «Батя». Отряд действовал в районе треугольника Орша – Витебск – Смоленск и уже в 1941—1942 годах сумел восстановить там советскую власть.

Воскресенская-Рыбкина приложила руку и к созданию и заброске в тыл противника разведывательной группы № 1, которая с ее подачи работала под весьма оригинальным – церковным – прикрытием. В своих мемуарах она пишет:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру – Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, “дабы послужить Отечеству и оборонить от фашистских супостатов православный люд”.

Я пригласила его к себе домой и в течение нескольких часов убеждала его взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он “прикроет” их своим саном. Больше всего святого отца заботило, не осквернят ли его “подручные” храм Божий кровопролитием. В итоге он дал согласие, и на следующий день в моей квартире началось обучение двух сотрудников внешней разведки “Васько” (старший группы) и “Михася” богослужению: молитвам, обрядам, облачению...

18 августа разведгруппа, которую наши острословы окрестили “Святой троицей”, начала вести службы в Покровской церкви Пресвятой Богородицы в г. Калинин, а когда немцы ее разбомбили, перебралась в городской собор.

С захватом немцами г. Калинин разведчики стали выполнять задания по широкому фронту: собирали сведения о дислокации немецких штабов, складов и баз; о численности войск и наличии у них новых образцов оружия; выявляли пособников оккупантов; налаживали контакты с населением. Для связи с Центром “Святой троице” была придана радистка “Марта”.

Результаты разведывательной деятельности группы “Васько” были более чем убедительны: выявлены две резидентуры Абвера; разоблачены более тридцати агентов гестапо; обна-

ружены тайные склады оружия, которые гитлеровцы законсервировали при отступлении, надеясь вернуться через некоторое время.

Не обошлось без казусов. Однажды при выходе из собора на отца Василия с криком: “Амбец тебе, фашистский прихвостень!” набросился местный милиционер, скрутил его и доставил в штаб СМЕРШа. Хорошо, что в нужное время и в нужном месте оказался заместитель начальника местного управления НКВД подполковник Крашенинников (только он один знал о группе “Васько”), и инцидент был исчерпан.

Патриотизм и убежденность в правоте веры отца Василия были высоко оценены Синодом: ему присвоили сан архиепископа с разрешением отправлять службы в соборе Смоленска. От внешней разведки Василий Михайлович Ратмиров получил в награду золотые часы. Кадровые разведчики “Васько”, “Марта” и “Михась” были награждены соответственно: орденом “Знак Почета”, медалями “Партизану Отечественной войны” I степени...»

Тандем «Кин» – «Ирина» в стане викингов

В конце 1941 года руководство разведки приняло решение направить супругов Ярцевых в Стокгольм. «Кина» – резидентом под дипломатическим прикрытием советника посольства. «Ирину» – заместителя резидента – под «крышей» личного пресс-атташе посла Александры Коллонтай.

Позже генерал П.А. Судоплатов вспоминал: «В дипломатических кругах Стокгольма эту русскую красавицу знали как Зою Ярцеву, блиставшую не только аристократически изысканной красотой, но и прекрасным знанием немецкого и финского языков. Супруги пользовались большой популярностью в шведской столице».

«Играя на чужом поле», супруги-разведчики добывали разведывательные сведения; приобретали источники информации, то есть создавали оперативные позиции в тех пластах западноевропейских стран, которые являлись объектами устремлений советской внешней разведки; устанавливали и развивали контакты с членами антифашистского движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах, куда «Ирина» с риском оказаться в гестаповских застенках регулярно выезжала под разными легендами.

Нисколько не преувеличивая заслуг разведывательного тандема «Кин» – «Ирина», можно с полным основанием утверждать, что благодаря их усилиям и подвижнической деятельности, Швеция до конца войны осталась нейтральной, а Финляндия досрочно вышла из гитлеровской коалиции!

Из разведки – в ГУЛАГ

В марте 1944 года супруги возвратились в Москву. Борис Аркадьевич в должности начальника одного из оперативных отделов внешней разведки курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. Зоя Ивановна вернулась к аналитической работе, а когда закончилась война, была назначена начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года полковник Рыбкин погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей. Официальная версия – автомобильная катастрофа. Однако Зоя Ивановна в нее не верила и собиралась провести собственное расследование, но руководство разведки запретило ей любые действия.

5 марта 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до выхода на пенсию по выслуге лет оставалось чуть больше года, умер Сталин. Вот как она вспоминает об этом:

«После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности “отца народов”. Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937—1938 годов. На

Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

В августе 1953 года в своем рабочем кабинете без предъявления обвинения был арестован начальник Четвертого управления НКВД генерал-лейтенант Судоплатов, под чьим началом Зоя Ивановна долгое время и результативно работала. В декабре на отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки, она, будучи офицером чести и непоколебимой чекистской принципиальности, выступила в защиту Павла Анатольевича, сказав о нем много добрых слов. На следующее утро ей объявили об увольнении «по сокращению штатов». Вместе с тем должность начальника отдела, которую она занимала, не была упразднена.

Реальная угроза остаться и без любимого дела, которому она посвятила 25 лет жизни, и без пенсии заставила Зою Ивановну действовать решительно и бескомпромиссно. И она добилась справедливого решения по «своему делу»: ей дали доработать до пенсии... в ГУЛАГе.

Больше года полковник-орденоносец Воскресенская-Рыбкина, входившая в элиту советских разведчиков, работала в Воркутинском лагере (Ворлаг) для особо опасных преступников на лейтенантской должности. Поэтому и пенсия ей была назначена по лейтенантскому тарифу.

...Накануне прибытия Зои Ивановны в лагерь в Воркуте и в окрестных деревнях пропал мужской одеколон «Шипр». Все запасы скупили офицеры Ворлага, как только узнали, что к ним едет работать красивая незамужняя женщина-полковник. Действительно, в свои сорок семь Зоя Воскресенская-Рыбкина по-прежнему была неотразима.

Без права на славу, во славу державы²

Система, которой Зоя Ивановна отдала лучшие годы своей жизни, ударила ее наотмашь и обожгла душу. Но она, благородный рыцарь разведки, ответила Системе великодушно: она ее простила. Осталось излечить душу. И целебное снадобье было найдено. Им стал литературный труд, а с ним состоялось и чудесное возвращение к жизни. Воистину в ее фамилии – *Воскресенская* – сокрыт глубокий смысл!

Талантливый человек – талантлив во всем, поэтому неудивительно, что Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина, разведчица-кудесница, стала виртуозом пера. Она – лауреат Государственной, премии Ленинского комсомола и многих литературных премий. Ее книги изданы тиражом в 21 миллион 642 тысячи экземпляров и переведены на 24 языка мира.

И последнее. Последнее по очередности, но не по важности. То, что ратный и писательский труд Зои Ивановны отмечен самыми высокими наградами Родины: орденом Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и десятком медалей, – известно всем, а вот то, что станут ли когда-нибудь достоянием общественности ее подвиги – не знает никто, ибо большинство архивных материалов, касающиеся оперативной деятельности великого мастера разведки Зои Воскресенской-Рыбкиной, до сих пор содержат данные высочайшей степени секретности.

2 БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ – девиз сотрудников российской (советской) внешней разведки.

Глава третья Корифей агентурной работы

Киношный шпионаж и реальная разведка

Шпионаж (разведка) – деятельность, окутанная флером таинственности, неизменно вызывает живой интерес у людей, невзирая на пол и возраст. Когда же в шпионском (разведывательном) промысле ключевой фигурой выступает женщина, интерес становится маниакальным. Достаточно вспомнить, как в Западной Европе и в США принимали киносессию Маты Хари, танцовщицы-куртизанки, казненной французами за шпионаж в пользу Германии. В течение 55 лет (1931—1985) кассовые сборы от этих фильмов били все рекорды, а Джеймс Бонд нервно курил в сторонке. И дело не только в шарме Греты Гарбо, Марлен Дитрих, Жанны Моро, Сильвии Кристель – звезд, воплотивших в кино образ «королевы шпионажа», нет! Одно уже то, что стержнем шпионской интриги была женщина, завораживало и действовало гипнотически. И невдомек было зрителю, что Мата Хари – всего лишь агент, исполнительница замысла тайного наставника, который ею руководил, который-то и замутил воду, чтобы поймать в ней золотую рыбку.

В реальных спецслужбах наставник агента называется *оператором*. Он отрабатывает *линию поведения* (роль) агенту и научает, как ее *придерживаться* (играть) в разных ситуациях. Оператор в разведке – это руководитель, гуру агента или бригады агентов.

Накануне и в годы Второй мировой войны оператором блистательной плеяды агентов была советская разведчица Зарубина Елизавета Юльевна. Разносторонне образованная интеллигентка, психолог, натура утонченная и вместе с тем отважный и бескомпромиссный оперативник, она действовала не в духе наставника киношной шпионки, нет! – мудрее и эффективнее. Да и на связи у нее состояли агенты, не чета Мате Хари, – дипломаты, офицеры, ученые. Впрочем, к чему слова? Достаточно вникнуть в любой эпизод ее оперативно-агентурной работы, чтобы на вопрос: «а женское ли это дело – занятие разведкой?» уверенно ответить: «Да!»

Розенцвейг становится зарубиной

Елизавета Юльевна Зарубина (в девичестве – Лиза Иоэлевна Розенцвейг) родилась 1 января 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины, которая в то время была частью Австро-Венгрии, после Первой мировой войны отошла Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Отец Лизы – Иоэль Розенцвейг, арендатор и управляющий лесным хозяйством богатого польского имения, был блестяще образованным человеком. Он обожал русских классиков и сумел привить своим детям любовь к русской литературе и к России вообще. Хозяин имения Гаевский, бонвиван и транжира, появлялся лишь для того, чтобы набить карманы деньгами, а затем спустить их за столами казино и в публичных домах европейских столиц. Так что Иоэль Розенцвейг мог бесконтрольно употреблять доходы от сбыта леса по собственному усмотрению. Семья не роскошествовала, но ни в чем себе не отказывала даже в лихолетье Первой мировой войны. Лиза, к примеру, окончив гимназию, училась на историко-филологическом факультете Черновицкого университета, где плата за обучение была одной из самых высоких в Европе.

В 1920 году, окончив три курса, она уговорила отца отправить ее и младшего брата учиться в Сорбонну. Трезво оценив сложившуюся в Восточной Европе после окончания войны обстановку и найдя ее чреватой потрясениями и катаклизмами, старший Розенцвейг одобрил

выбор детей. Но в Сорбонне Лиза проучилась всего год. Решив, что ее место в гуще исторических событий, она перебралась в Вену и поступила в столичный университет. Там Лиза вышла замуж за румынского коммуниста, и некоторое время носила его фамилию Гутшнекер, но вскоре брак распался.

В июне 1923 года под влиянием двоюродной сестры Анны Паукер Лиза вступила в коммунистическую партию Австрии и окунулась в подготовку «мировой революции»: составление и распространение прокламаций, организацию забастовок, игру в кошки-мышки с полицией и т.п. Конспирация – превыше всего, поэтому товарищи по подполью знали ее только по псевдониму «Анна Дейч».

В 1924 году, окончив Венский университет, Лиза получила диплом переводчика немецкого, французского и английского языков, добавив их к знакомым ей с детства идишу, румынскому и русскому (заметим, любимым ею был русский!). В том же году Советское дипломатическое представительство в Вене пригласило ее на работу в качестве переводчика.

Революционная биография, искренняя симпатия к Советскому Союзу, блестящее владение шестью языками не могли не привлечь внимание сотрудников Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (внешняя разведка), работавших под прикрытием советского полпредства. Они досконально изучили Лизу и на заданиях проверили ее разведывательные способности. Убедившись в ее честности, надежности, хладнокровии и умении соблюдать конспирацию, в марте 1925 года ее приняли в разведку. Работала она под кодовым именем «Эрна». Получив советское гражданство, перешла из австрийской компартии в ВКП(б). В качестве штатного оперативного сотрудника венской резидентуры ИНО ОГПУ «Эрна» выполняла специальные задания в Турции и Франции. Причем работала под чужим именем и с вымышленной биографией. Здесь раскрылись недюжинные способности «Эрны» как талантливого вербовщика.

В феврале 1928 года «Эрна» впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в центральный аппарат Иностранного отдела. В том же году она вышла замуж за именитого разведчика Василия Михайловича Зарубина и вновь поменяла анкетные данные, став Елизаветой Юльевной Зарубиной. Руководство ИНО использовало их брак в оперативных целях: реализуя проект «Супруги», Зарубиных направили за рубеж с перспективой нелегальной работы по Франции. Решение было мотивировано тем, что в 1927 году под надуманным предлогом Англия разорвала дипломатические отношения с СССР, и Франция готовилась последовать ее примеру. Обстановка в Европе накалялась с каждым днем, ее усугубляла белогвардейская эмиграция, которая стремилась спровоцировать новый «крестовый поход» против Советского Союза.

Рекламное бюро «кочек»

Тайная жизнь разведчиков-нелегалов Василия и Елизаветы началась с выезда в Копенгаген. Выдавали они себя за коммерсантов из Чехии – супругов Кочек. Чтобы закрепиться в Дании, разведчики должны были иметь надежное прикрытие, то есть найти занятие, которое оправдывало бы их пребывание в стране. Помог случай, этот бескорыстный покровитель разведчиков. Супруги познакомились с неким Нильсеном, владельцем небольшой оптовой фирмы. Знакомство переросло в дружбу, и вскоре Зарубины стали компаньонами коммерсанта. С его помощью разведчики-нелегалы получили разрешение на длительное пребывание в Дании, то есть полностью легализовались. Однако из Центра пришло указание срочно перебраться во Францию, где разведывательному тандему предстояло осесть на длительное время.

В предместье французской столицы, живописном городке Сен-Клу, Зарубины сняли небольшой меблированный домик с гаражом. Однажды, когда Василий ремонтировал свое авто, сосед, впечатленный его сноровкой, предложил ему основать совместное предприятие по ремонту машин. Василий от предложения не отказался, но заметил, что у него отсутствует раз-

решение на постоянное проживание в стране. Сосед воспользовался своими связями в полиции, и разведчики получили постоянный вид на жительство во Франции. Дальше – больше: тот же француз ввел Зарубиных в круг своих многочисленных друзей, принадлежавших к мелкой буржуазии. Обрастание нейтральными связями способствовало успешной легализации разведчиков в стране. Пора было приступать к выполнению задания: подобрать курьеров для связи с Центром; подыскать конспиративные квартиры; принять на связь ряд агентов; заняться поиском и приобретением потенциальных источников информации. Словом, с нуля создать дееспособную нелегальную резидентуру.

Чтобы расширить пространство для разведывательного маневра, надо было переехать в Париж и найти нового компаньона, который бы помог вести какое-то дело. Поиски увенчались успехом, и супруги открыли рекламное бюро.

Вначале рекламное бюро «Кочек» занималось продвижением на рынок кулинарной продукции, затем перешло на выпуск кинорекламы. Устойчивые контакты с известными западноевропейскими киностудиями и прокатными компаниями способствовали созданию привлекательного имиджа бюро, деньги стали поступать из всех городов страны. Когда же Зарубины начали поставлять рекламу на экспорт и во Францию потоком пошла иностранная валюта, бюро получило режим наибольшего благоприятствования, а супругов стали принимать в высшем столичном обществе. Василий даже был избран в президиум жокейского клуба, членами которого состояли «жирные коты» – представители промышленной олигархии Франции.

Центр оценил усилия разведчиков по легализации в стране пребывания, но напомнил им, что магистральным направлением деятельности резидентуры является добывание информации по Германии. Следуя установке Центра и используя наработанные связи в Париже, «Вардо» (новое кодовое имя Елизаветы Юльевны) завербовала венгерского журналиста, эксперта в вопросах франко-германского диалога (псевдоним – «Росс»), который работал техническим секретарем депутата французского парламента, и стенографистку германского посольства в Париже (псевдоним – «Ханум»). Всё это положительно сказалось на объеме и качестве поставляемой в Центр информации.

Рассорить Францию с Германией!

Разведчики-нелегалы Зарубины активно работали и по белогвардейской эмиграции. В Париже «Вардо» приняла на личную связь особо ценного агента ОГПУ Павла Павловича Дьяконова (псевдоним – «Виноградов»). Боевой царский генерал военный атташе России в Лондоне, он в 1920 году переехал в Париж, где был с восторгом и почестями принят русской военной эмиграцией. Еще бы! За Мазурское сражение он был награжден золотым Георгиевским оружием, за битву при Вердене – двумя французскими Военными крестами и орденом Почетного легиона, и это лишь малая часть тех наград, которые Дьяконов получил еще до Первой мировой. Агент выполнял долгосрочное задание по разложению РОВС – Русского общевойскового союза, крупнейшей организации эмигрантов-белогвардейцев, в рядах которой насчитывалось более (!) двадцати тысяч боевиков. Они готовили вооруженные акции против СССР и его официальных представителей за рубежом.

Кроме того, Дьяконов, располагая обширными связями в высших военных кругах Франции, снабжал Центр информацией о деятельности Второго бюро (военная разведка) французского генштаба.

В активе «Виноградова» было также участие в захвате руководителя РОВС генерала Кутепова (26 января 1930 года) для переправки в Москву. На стадии подготовки операции и в ходе ее реализации оператором агента был опытейший сотрудник ИНО Яков Серебрянский, поэтому трудно было прогнозировать, как поведет себя пятидесятивосьмилетний генерал на первой встрече со своим оператором-женщиной, по возрасту годившейся ему в дочери.

К тому же явку из-за ремонта конспиративной квартиры пришлось проводить в одной из дешевых парижских гостиниц. Их хозяева не требовали никаких документов и за умеренную плату охотно предоставляли номера парочкам, желающим расслабиться. Поэтому появление в гостинице красавицы «Вардо» под руку с седовласым импозантным «Виноградовым» все невольные свидетели расценили бы однозначно: престарелый повеса решил вкусить от молодого аппетитного тела – *c'est la vite!* Словом, появление на людях Зарубиной с Дьяконовым считалось хорошо залегендированным и вполне соответствующим требованиям конспирации.

О результатах явки с первым в своей оперативной практике особо ценным агентом и о своих впечатлениях Елизавета Юльевна доложила начальнику ИНО Мессингу Станиславу Адамовичу:

Сов. секретно

Экз. един.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

по итогам явки с агентом «Виноградов»

«10.02.1930 года мною, оперуполномоченной ИНО ОГПУ «Вардо», в парижском отеле «Риволи» проведена встреча с агентом «Виноградов» для отработки ему линии поведения, предусмотренной мероприятием «А» в отношении группы высших офицеров РОВС (список прилагается).

Едва мы расселись по разные стороны стола, «Виноградов» повел себя не по-джентльменски: без предисловий вдруг заговорил по-французски. Но меня поразило не сам факт смены языка, а его безапелляционный тон!

Его демарш я восприняла, как попытку подчеркнуть свое превосходство в оперативном плане, чтобы подавить меня психологически и поставить в зависимое от себя положение. Допускаю, что этот выпад был вызван также его начальственным положением в РОВС. Мне очень вовремя вспомнилось наставление Артура Христиановича Артузова: «Нельзя ни в чем проигрывать своему агенту, ибо недаром сказано, что ни один камердинер не видит героя в своем хозяине. Стоит только однажды показать зависящему от тебя агенту свою слабость – всё, пиши пропало. Сразу можно расставаться с ним, потому что ведущее положение тебе уже не восстановить. Выигрывать у своего секретного помощника оператор просто обязан. Всегда и во всём. В том числе и в словесной перепалке, чтобы утвердить себя в его глазах и подчеркнуть свое превосходство».

«Не то оружие вы выбрали, мой генерал! – едва сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, сказала я по-французски и, не переводя дыхание, но уже по-английски, добавила: – Уверена, что вы быстрее меня исчерпаете ваш запас иностранных языков!»

Хотя на лице «Виноградова» не дрогнул ни один мускул, по затянувшейся паузе мне стало ясно, что моя реплика попала в «яблочко». Взглядом психиатра агент буквально буравил меня. Затем раздельно, делая ударение на каждом слове, он спросил, но уже по-русски: «И сколько их у вас, сударыня?» Я ответила: «На мой век хватит!» По выражению лица агента я поняла, что этот мой легкомысленный ответ ему не понравился. По-моему, он решил, что я намекаю на разницу в возрасте не в его пользу. Поняв свою оплошность, я «перестроилась на марше» и заверила «Виноградова», что, несмотря на мой формальный статус оператора, мы всегда будем решать все вопросы только вместе, потому что я очень ценю его опыт и его таланты в оперативных делах...

Вслед за этим агент подобрел, и «дипломатические отношения» были восстановлены. Затем мы в течение часа обсуждали его линию поведения, способствующую успешной реали-

зации мероприятия «А» – доведение до руководства Второго бюро генштаба известной Вам информации в отношении офицеров РОВС.

Прощаясь, «Виноградов» не удержался и спросил, какими языками я всё же владею. Услышав ответ, он укоризненно покачал головой и сказал: «Видите ли, сударыня, если верна истина: язык мой – враг мой, то у вас их целых шесть!»

На что я ему ответила, что «самое главное на текущий момент, что он стал моим другом, а с врагами мы справимся сообща». После этого он крепко пожал мою руку. Полагаю, что расстались мы друзьями.

Сообщаю в порядке информации (*подпись*)

оп/уп «Вардо».

...Действительно, некоторое время спустя «Виноградов» довел до сведения французов подготовленную умельцами Лубянки «дезу» о наличии «пятой колонны» – профашистски настроенных генералов и офицеров в РОВС и об их устойчивых контактах с германской военной разведкой, то есть с ненавистным всем французским генералам противником. В итоге акция прошла успешно, информация достигла поставленной цели и сыграла свою роль в охлаждении отношений между Францией и Германией...

Во Франции Зарубины проработали до 1933 года, там у них родился сын Пётр. По приезде в Москву после четырехлетнего пребывания на нелегальном положении, то есть в состоянии перманентного стресса, когда, как говорится, «все импульсы наружу», так и не отдохнув ни дня, супруги-разведчики вновь убыли за рубеж – в Германию, где хозяйничал Гитлер и его штурмовики.

«Вдоль обрыва, по-над пропастью...»

В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, обстановка в Германии крайне осложнилась. Деятельность нелегальной резидентуры ИНО фактически прекратилась по причине отъезда на родину 90 % оперативных сотрудников: все они были евреи, и их дальнейшее пребывание в Германии Центру представлялось небезопасным.

Зарубины имели задание в кратчайший срок обосноваться в Германии и реанимировать нелегальную резидентуру. Разведывательному тандему предстояло остановить процесс «профессионального выгорания» агентуры, оставшейся без дела и без присмотра своих наставников-операторов и главное – добывать информацию о внутренней и внешней политике Гитлера и о его планах в отношении СССР.

До Берлина супруги добирались разными маршрутами. О получении вида на жительство на длительный срок не могло быть и речи, поэтому в декабре они прибыли в нацистский рейх в качестве туристов. Лишь спустя некоторое время лубянские «сапожники» (так на профессиональном жаргоне обозначают специалистов по изготовлению фальшивых документов) снабдили Зарубиных документами, подтверждающими их принадлежность к американской фирме. Это был принципиально важный нюанс: накануне новой мировой войны немцы всячески стремились сохранить добрые отношения с США, поэтому лояльно относились к приезжающим в страну американцам. Но даже при наличии добротных документов пребывание в Германии для Елизаветы Юльевны было сопряжено со смертельным риском: в застенки гестапо и в концлагерь можно было угодить из-за пустяка – двойного глазного века. В Германии, где правил Гитлер, это считалось верным признаком наличия у человека еврейских корней.

Василий со своей внешностью «истого арийца» спокойно расхаживал по улицам Берлина. Другое дело – Елизавета. Даже случайные прохожие, несведущие в вопросах физиогномики и антропологии, нашли бы в ее лице семитские черты. Что уж говорить о патрулях, сформированных из коричневорубашечников, специально натасканных на отлов евреев! Чтобы при воз-

можной встрече с этими головорезами доказать им, что она не еврейка, а итальянка, Елизавета в авральном порядке выучила итальянский язык.

* * *

Нелегальная резидентура была сформирована в кратчайшие сроки. В нее вошли оперативные сотрудники ИНО, прибывшие вслед за Зарубиными, а также шесть источников информации из числа местных жителей и иностранцев, принятых разведчиками на связь. Центр стал получать важную секретную информацию бесперебойно и в большом объеме.

Разведчики-нелегалы Василий и Елизавета «играли на враждебном поле» – действовали в гитлеровском рейхе – более трех лет, начиная с 1933 года. Работа в нацистской Германии требовала от обоих и, прежде всего, от Елизаветы Юльевны предельного мужества и отваги, мобилизации всех духовных сил. Надо сказать, что она к тому времени достигла совершенства в искусстве перевоплощения, и не только внешнего, но и внутреннего. Никогда не повторяясь, она всякий раз представляла в новом облике. Меняя страны, меняла личины. Для нее, за свою карьеру аса вербовки сменившей не один псевдоним, надевать чужую личину было так же привычно, как для женщины мирной профессии – ежедневно менять носовые платки в сумочке, отправляясь на работу. В общем, как того требует искусство разведчика, «Вардо» была человеком с десятью лицами.

Елизавета Юльевна прекрасно понимала, что малейшая неосторожность, промах в работе или в быту приведут ее в гестапо. Каждое свое появление на берлинских улицах разведчица называла «танцем на канате, висящем над пропастью». И всё же, постоянно рискуя жизнью, она успешно справлялась с заданиями Центра.

«Брайтенбах», «Вальтер», «Ханум» и «Вардо»

В 1930-е годы у жителей Западной Европы основным мотивом, подвигавшим к сотрудничеству со спецслужбами Советского Союза, был антифашизм. Поэтому секретные агенты в большинстве своем работали просто «за идею», отказываясь от денежного вознаграждения.

По указанию Центра «Вардо» восстановила конспиративную связь с особо ценным источником разведки, гауптштурмфюрером СС «Брайтенбах» (в миру – Вильгельм Леман). В IV управлении Имперской безопасности – гестапо – он возглавлял отдел по борьбе с «коммунистическим шпионажем» и, используя свое служебное положение, неоднократно спасал резидентуру НКВД от разгрома и заранее предупреждал о провокациях, которые готовились против советского дипломатического представительства и его сотрудников в Берлине. От «Брайтенбаха» регулярно поступала информация о внутривнутриполитическом положении в Германии и о ее военных приготовлениях против соседних стран. В 1935 году агент представил сведения о создании Вернером фон Брауном принципиально нового вида оружия – знаменитых ракет «Фау». Тринадцать лет «Брайтенбах» водил за нос коллег из гестапо, которые сбились с ног в поисках «крота» в своих рядах. Провал произошел из-за предательства связника, и в 1945 году Лемана казнили в застенках его (жгуче ненавидимого им!) ведомства. На Западе его считают прототипом Штирлица.

Еще одним особо ценным помощником нелегальной резидентуры, который находился на личной связи у «Вардо», был высокопоставленный сотрудник германского МИДа в ранге посла «Вальтера» (имя не раскрывается до сих пор). В будущем «Вальтер» наряду с «Брайтенбахом» проинформирует берлинскую резидентуру о подготовленном нападении Германии на СССР.

В Берлине «Вардо» также восстановила связь с «Ханум», бывшей стенографисткой германского посольства в Париже, которую завербовала, работая во Франции. «Ханум» продвинулась по службе и, работая в центральном аппарате гитлеровского МИДа, имела доступ к

документам под грифом «особой важности», которые с риском быть казненной копировала и затем передавала своему оператору – «Вардо». Но вскоре «Ханум» заболела и умерла.

Елизавета Юльевна немедленно подобрала ей замену. Через агентурные возможности резидентуры осуществила проверку «кандидата на замещение вакантной должности» и под псевдонимом «Винтерфельд» привлекла служащего МИДа Германии средней руки к сотрудничеству. Новобранец имел доступ к секретной, в том числе шифрованной, переписке министра иностранных дел фон Риббентропа с послами в странах-союзниках – Италии и Японии. «Вардо» обучила немца технике пересъемки документов микрофотоаппаратом, и вскоре он буквально завалил резидентуру копиями шифротелеграмм и других документов из германского внешнеполитического ведомства. Среди действующих «штыков» агентурной сети нелегальной резидентуры Зарубиных были и те, кто имел связи в кругу влиятельных функционеров нацистской партии (НСДАП).

* * *

В июне 1937 года Зарубины в качестве нелегалов были направлены в США. Разведчикам предстояло подобрать агентуру из числа американцев для возможной работы в Германии в случае ее нападения на СССР. С поставленной задачей разведчики справились. Ими были завербованы три агента, которых в дальнейшем нелегальная разведка использовала в качестве курьеров-связников.

Командировка Зарубиных была прервана бегством в США резидента НКВД в Испании Александра Орлова, который встречался с ними во время их работы во Франции. По возвращении в Москву Василий и Елизавета стали работать в центральном аппарате разведки. Зарубин за успешную работу в нелегальной разведке был награжден орденом Красного Знамени, ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности, равноценное званию генерал-майора Красной армии. «Вардо» досрочно присвоили звание капитана госбезопасности, что соответствовало званию подполковника Красной армии.

В середине 1940 года «Вардо» вновь выехала в Германию, но уже под дипломатическим прикрытием сотрудника советского посольства в Берлине Елизаветы Горской. Ей предстояло восстановить утраченную связь с ценным источником разведки «Августа» – супругой высокопоставленного дипломата, посла по особым поручениям, одного из тех, кто был причастен к выработке внешнеполитического курса гитлеровской Германии. Вскоре от «Августы» стали поступать сведения, заслуживающие внимания не только ОГПУ, но даже Кремля!

С первых часов войны все советские работники диппредставительства в Германии были интернированы и 29 июня отправлены в СССР через Турцию.

* * *

Ночью 12 октября 1941 года Зарубиных подняли с постели и доставили в Кремль к Сталину. Вождь объявил чекистскому тандему о своем решении вновь направить их в Соединенные Штаты, а Василия Михайловича и вовсе назначить главой тамошней «легальной резидентуры», то есть действующей с позиций посольства СССР в Вашингтоне. Прикрытием Зарубина была должность 2-го секретаря диппредставительства. В ходе общения, продолжавшегося более часа, Сталин поставил задачу будущему резиденту не только отслеживать внутрисполитические события, но и своевременно сообщать о попытках правящих кругов США сговориться с Гитлером и закончить войну заключением сепаратного мира. Разведчикам также вменялось в обязанность добыть сведения относительно реальных сроков открытия второго фронта в Европе.

Внимание: «Манхэттенский проект»!

В Нью-Йорк Зарубины добрались через Дальний Восток лишь в январе 1942 года. В США разведчикам пришлось реформировать резидентуру: восстановить связь с законсервированной агентурой, нанять новых источников информации, приобрести конспиративные квартиры и т.д. Опять пригодились таланты Елизаветы Юльевны: блестящее владение английским языком, знание психологии и умение убеждать кандидатов на вербовку. Уже через полгода у «Вардо» на связи были (!) 22 агента, с которыми приходилось встречаться не только в Нью-Йорке, но и в Сан-Франциско, в Вашингтоне, в других городах Америки.

Часто в Америке разведчица вспоминала слова Артура Христиановича Артузова: «Рискованный труд вербовщика: сказал не то, повернулся не так – за все немедленная расплата. Собачья жизнь: вечером не знаешь, долежишь ли до утра, а утром не ведаешь, дотянешь ли до своего лежбища!»

На Лубянке высоко ценили оперативную хватку и особый дар «Вардо» достигать полного доверия в общении с любым человеком, независимо от его пола, возраста и социального положения. Профессионалы знают, что это качество присуще только самым изощренным «охотникам за головами» – вербовщикам. А вербовщики в мире разведки – это высшая каста оперативных сотрудников. И «Вардо» была, как никто другой из ее коллег-разведчиц, «охотником за головами» самой высокой – четыре девятки – пробы.

Отличительной чертой «Вардо», ее почерком в работе с агентами была гуманность. Она никогда не относилась к тем, кого вербовала, лишь как к источникам информации, которых нужно склонить к сотрудничеству. Прежде всего, она стремилась понять, что движет объектом ее заинтересованности, – кандидатом на вербовку, – каковы его проблемы. Поэтому не случайно многие завербованные ею агенты работали в пользу СССР исключительно «за идею», что в условиях ограниченности валютных средств в советских зарубежных резидентурах было особенно важно.

С помощью ценнейшего источника резидентуры, выходца из России, Якова Голоса «Вардо» вышла на «отца атомной бомбы» Роберта Оппенгеймера и выдающегося физика-ядерщика Лео Силарда, работавшего в той же области.

Здесь необходимо пояснение. То, что разведчица сделала в США, еще нельзя назвать «атомной разведкой» в чистом виде, однако она первой вышла на близкие подступы к ней. Основную работу по «Манхэттенскому проекту» – так американцы закодировали работу по созданию атомной бомбы – проделали другие наши разведчики. Но заслуга «Вардо» заключается в том, что она первой из разведчиков сумела привлечь внимание руководства СССР к атомной проблеме. Не случайно за проявленную инициативу «Вардо» была поощрена орденом Красной Звезды.

Повышенная активность советских разведчиков не могла не привлечь внимания американской контрразведки. ФБР удалось установить подслушивающую аппаратуру в служебных помещениях наших учреждений и получить доказательства, что Зарубин является резидентом советской внешней разведки в США. В конце 1944 года супруги были объявлены персонами non grata и вынужденно покинули США.

Для достойного нету достойных наград...

После войны подполковник Зарубина Елизавета Юльевна работала в центральном аппарате разведки в должности начальника отделения. С лета 1946 года и до своей отставки она возглавляла американское направление Информационной службы разведки. Награждена несколь-

кими орденами и многими медалями. Она также получила высшую ведомственную награду – знак «Почетный чекист».

Да, отраженный свет славы «Брайтенбаха», «Винтерфельда», «Ханум», «Вальтера» и десятков других агентов, которых завербовала и которыми руководила Елизавета Юльевна, придал блеск ее разведывательной карьере, принес ей лавры аса агентурной работы, непревзойденной «охотницы за головами». И всё-таки, на наш взгляд, не все ее усилия оценены по достоинству руководством разведки...

Выйдя в отставку, Елизавета Юльевна еще долгие годы передавала молодым разведчикам свой богатый опыт, прививала им вкус к нелегальной работе во враждебной среде, обучала их, как уходить от «наружки», как обращать в свою веру кандидата на вербовку, как... Да мало ли, какими еще секретами могла делиться с молодой порослью разведчиков Человек с большой буквы, Чекист, Наставник – Елизавета Юльевна Зарубина! Таких людей, как она, Господь создает штучно и редко, а всё потому, чтобы не девальвировать результат благого дела своего.

Елизавета Юльевна прожила яркую насыщенную жизнь и добилась блестящих побед в разведке. Судьба была к ней благосклонна, и жизнь ее не оборвалась ни в застенках гестапо, ни в фэбээровской тюрьме. Тем обиднее сознавать, что 11 мая 1987 года она нелепо погибла в родных пенатах, в Москве, угодив под рейсовый автобус.

Глава четвертая

Чисто лубянское замужество

В шаге от провала

Ноябрь 1936 года, Страсбург, рутинная проверка документов у пассажиров международного экспресса Париж – Берлин. В одноместном купе вагона 1-го класса молодой пограничник, дежурно улыбаясь, просит эффектную даму предъявить документы. Презрительно хмыкнув, она протянула ему канадский паспорт.

В те годы паспорт подданного Канады котиrowался в Европе очень высоко, багаж его владельца, как правило, не досматривался, а стражи границ при виде черной книжицы с золотыми кленовыми листьями вытягивались во фрунт и от благоговения едва не щелкали каблуками.

По-иному отнесся к предъявленному документу молодой пограничник: он тщательно освидетельствовал каждую страницу и наставительно произнес:

– У меня сегодня, мадам, свадьба, поэтому я добрый и готов закрыть глаза на многое... Никому больше не показывайте этот паспорт, иначе у вас будут серьезные неприятности. И потребуйте обратно деньги у тех, кто вам продал эту фальшивку. Торонто, где вы якобы родились, находится в провинции Онтарио, а не в провинции Квебек!

Спесь вмиг слетела с лица «канадки». Выхватив паспорт из рук знатока политической географии, она стремглав бросилась вон из вагона.

...В тот же день, там же в Страсбурге, та же эффектная особа, по тому же паспорту вторично пренебрегла опасностью быть задержанной жандармами и пересекла границу на автобусе.

Рисковая Африка

Рисковой пассажиркой была кандидат на вербовку Африка де Лас Эрас Гавилан. Выполняя поручение резидента НКВД в Испании генерала Л.Л. Фельдбина, она везла крупную сумму наличности в иностранной валюте в Берлин.

Необычным именем – Африка – девушка обязана своему отцу, романтику и опальному офицеру, которого за несогласие с монархическим устройством Испании сослали в Марокко. В знак благодарности африканскому континенту, приютившему его с семьей, он дал нетрадиционное имя дочери, родившейся там 26 апреля 1909 года.

Окончив в Испании монастырскую школу и колледж «Святое Сердце Иисуса», Африка в Марокко не вернулась. Через некоторое время умер отец, и она лишилась средств к существованию, но как-то вдруг получила предложение и вышла замуж за военного. Брак спас от нищеты, но вскрыл идеологическую несовместимость супругов: он – сторонник реакционного генерала Франко, она – человек левых взглядов. Яростные споры и взаимные упреки в политической близорукости приближали крах семьи, и когда умер их сын, они расстались. «Наша любовная лодка разбилась о рифы политической нетерпимости», – скажет позже Африка. Опять в полный рост перед ней замаячило безденежье, и она пошла работать на ткацкую фабрику. Там сблизилась с коммунистами, да так тесно, что днем вкалывала до седьмого пота, а по ночам выполняла их поручения.

В 1933 году Африка вступила в коммунистическую партию и приняла участие в вооруженном восстании горняков Астурии. Ее отчаянная храбрость поражала соратников-мужчин – она бралась за самые рискованные поручения: то под шквальным огнем доставляла мятежни-

кам оружие и боеприпасы, то, рискуя быть схваченной солдатами правительственных войск, выступала в роли связной. Расхожей шуткой среди восставших стала брошенная ей вдогонку реплика: «Африка, умерь прыть, не то доконаешь своего ангела-хранителя!» После подавления восстания девушка скрывалась от полиции и более года жила на нелегальном положении.

Во время гражданской войны в Испании Африка, сражаясь на стороне республиканцев, попала в поле зрения Фельдбина и была взята в вербовочную разработку. Проверив девушку на контрольных поручениях и убедившись, что ее личные и деловые качества соответствуют требованиям, предъявляемым к секретным сотрудникам, генерал завербовал ее под псевдонимом «Патрия»³.

В апреле 1938 года и. о. начальника внешней разведки Шпигельглас, идя в фарватере намерений Сталина физически устранить Троцкого, решил подвести к нему агента-ликвидатора. Поскольку «революционер в изгнании», опасаясь покушения, незнакомых мужчин в свой дом не допускал, сделали ставку на его страсть к молодым эффектным женщинам, подставив ему «Патрию». Она сумела понравиться Троцкому и была принята в дом гувернанткой.

Пландарм для покушения был подготовлен, но развитие пошло не по лекалам Шпигельгласа: 2 ноября он был арестован по обвинению в измене Родине. Чтобы не стать еще одной жертвой репрессий, развязанных Ежовым в отношении чекистов-ветеранов, тогда же в ноябре в США бежал Фельдбин, оператор «Патрии». Ее из соображений безопасности вывели по нелегальному каналу в СССР, а операцию по ликвидации Троцкого отложили. Вернулись к теме (но уже без «Патрии») в мае 1939 года, когда за дело взялись корифеи жанра генералы госбезопасности Павел Судоплатов и Наум Эйтингон.

Любимая радистка легендарного разведчика

Первое, что сделала Африка, устроившись в Москве, – записалась в Осоавиахим (ныне – ДОСААФ). Овладела всеми видами легкого стрелкового оружия, которое состояло на вооружении Красной армии, и с гордостью носила значок «Ворошиловский стрелок».

Когда началась Великая Отечественная война, Африка, горя желанием отомстить фашистам за поражение в Испании, жаждала попасть на фронт, но ее не брали из-за маленького роста и хрупкого телосложения. За нее замолвил слово глава болгарской секции Коминтерна Георгий Димитров, и она оказалась в медицинском взводе Отдельной мотострелковой бригады НКВД. А в мае 1942 года, после окончания курсов радистов, Африку зачислили в разведывательно-диверсионный отряд особого назначения НКВД «Победители», которому предстояло действовать за линией фронта, на оккупированной территории Западной Украины.

Вот что она сама об этом рассказывала:

«Занятия включали многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, стрельбу и специальную подготовку. Отдыхать было некогда, да об отдыхе никто и не думал.

Через некоторое время я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатой шифры и передатчик, а потом себя... Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож. С этого момента все это снаряжение я постоянно носила с собой.

В ночь на 16 июня 1942 года наша группа была выброшена на парашютах близ станции Толстый Лес в Западной Украине. В отряде было 9 радисток. Мы принимали телеграммы от 30 боевых групп, и времени для сна почти не было.

Для связи с Москвой из лагеря в разных направлениях выходили сразу 3 группы. Шли километров 10—15 в сопровождении 6 автоматчиков – по два на каждую радистку. Работу начинали все одновременно на разных волнах. Одна из нас вела настоящую передачу, а две другие – дезориентировочные, так как нас постоянно преследовали немецкие пеленгаторы.

В основном я работала с Николаем Кузнецовым, но тогда знала его как Павла Грачева. Он меня так и называл “моя радистка”. Настоящее имя легенды нашей разведки я узнала лишь много лет спустя, когда вернулась в Москву из очередной нелегальной командировки. Да и меня бойцы знали как Марусю, Машу, Марию Павловну – конспирация жесточайшая была в отряде, хотя, мне кажется, многие догадывались, что я испанка.

Обе зимы в партизанском отряде я страдала от холода. Однажды в мороз за 30 градусов я в присутствии Кузнецова работала на “ключе”, и от холода меня стала бить дрожь. Тогда Николай Иванович снял с себя свитер и надел на меня. Так я и работала, с головы до пят одетая в кузнецовское тепло. А еще он мне подарил кашемировую шаль, черную с розовыми цветами (где только взял?!), и я чувствовала себя королевой...»

За выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении Африка была награждена орденом Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «Партизан Отечественной войны» 1-й степени.

Выход в «открытое море» разведки

Летом 1944 года, когда Африка вернулась в Москву, руководство НКВД предложило ей работать на постоянной основе в нелегальном подразделении внешней разведки, и она без колебаний ответила согласием.

С тех пор начинающая разведчица прервала всякие контакты с земляками, соратниками по гражданской войне. Она никогда их больше не увидит, ничего не будет знать и о судьбе своих родственников. Для них Африка также канет в небытие. А за границей она будет выступать под «чужим флагом» – чужими анкетными данными, – ведя, в сущности, анонимное существование. Ничего не поделаешь, – таковы безжалостные законы мира нелегальной разведки, и чтобы в нем выжить, кроме владения иностранными языками надо иметь огромный запас специальных знаний и навыков.

Более года Африка постигала премудрости ремесла разведчика-нелегала: методы вербовки; способы передачи информации через тайники; шифровальное дело; училась, как сбросить «топтунов», висящих на «хвосте» – уйти от слежки; как моментально сменить на маршруте вид транспорта – пересестись из автобуса или метро в такси и наоборот; как использовать камеры хранения магазинов и вокзалов, а также библиотеки и кинозалы для обмена добытыми сведениями или документами, а для явок – парикмахерские и косметические кабинеты.

«Игра на чужом поле» для «Патрии» началась в январе 1946 года, когда ее провезли на автомашине через пол-Европы и десантировали в Париже. Там она быстро легализовалась, выдав себя за беженку из Испании, перешедшую в 1945 году испано-французскую границу. Однако в 1948 году по указанию Центра она покинула Европу, – проделав межконтинентальное путешествие, осела в Монтевидео, став владелицей салона французской моды.

Вскоре салон, благодаря обаянию хозяйки, стал популярным местом тусовки жен и любовниц офицеров генерального штаба, чиновников разных уровней, дипломатов, бизнесменов и превратился в заводь, где «Патрия» ловила «рыбу» – выискивала потенциальных кандидатов на вербовку.

За достигнутые результаты в работе и проявленные при этом бесстрашие и находчивость разведчицу наградили вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

Кстати, ветераны внешней разведки почему-то особо чтят эту медаль, приравнивая ее к ордену Красного Знамени.

Муж по разнарядке

27 апреля 1906 года в городке Фаэнца провинции Равенна области Эмилия-Романья родился Джованни Антонио Бертони. По окончании начальной школы и технического училища работал в мастерской фирмы «ФИАТ». В 1922 году вступил в итальянский комсомол, в следующем году – в компартию Италии (ИКП). За организацию антифашистских митингов неоднократно задерживался полицией. В апреле 1925 года Бертони ликвидировал в Фаэнце двух фашистов, которые терроризировали местных жителей, и ушел в подполье. Суд Равенны заочно приговорил его к 26 годам каторги. По инициативе Тольятти, генсека ИКП, молодой человек по нелегальным каналам Коминтерна был переправлен через Швейцарию в Советский Союз.

В 1925—1927 годах Джованни работал слесарем в Одесском порту, затем учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, который окончил в 1931 году. В том же году вступил членом в ВКП(б) и стал работать инструктором ЦК МОПР СССР. В 1936 году Бертони был зачислен в штат Иностранного отдела (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, то есть являлся кадровым сотрудником внешней разведки с оперативным псевдонимом «Марко».

В 1943 году руководство ИНО приняло решение направить «Марко» на нелегальную работу за границу. Пройдя курс специальной подготовки, он в июне 1944 года на парашюте приземлился в Югославии, а затем перебрался в Северную Италию. Поначалу все складывалось как нельзя лучше: «Марко» без труда легализовался в Риме и, согласно плану, устроился в государственное учреждение, которое с разведывательной точки зрения являлось настоящим Клондайком секретов. Добытые документы он прятал в тайнике под сиденьем мотоцикла. Однажды, двигаясь на встречу со связником из Москвы, «Марко» попал в автокатастрофу и в бессознательном состоянии был доставлен в больницу. Полиция обнаружила тайник, разведчик оказался «под колпаком» у итальянской контрразведки и вынужденно вернулся в СССР. После очередного курса специальной подготовки «Марко» получил новое назначение: возглавить резидентуру в Уругвае, где работала «Патрия».

По замыслу руководства внешней разведки, в перспективе они должны были стать мужем и женой для последующего глубокого оседания в Латинской Америке. И то была не кабинетная импровизация, а взвешенное решение, в основе которого лежал многолетний практический опыт.

Супружеские разведывательные тандемы

На Лубянке считали, что сильной стороной внешней разведки являются супружеские разведывательные пары, которых от обычных брачных союзов отличает абсолютная психологическая совместимость мужа и жены, их идейная твердость и вера в победу коммунизма. Анализ работы разведывательных пар – Гоар и Геворка Вартамян, Михаила и Елизаветы Мукасей, Леонтины и Морриса Коэн и ряда других – подтвердил правомерность такого мнения. Вместе с тем было ясно, что одних разведывательных тандемов, как бы эффективно они ни работали, недостаточно для достижения стоящих перед внешней разведкой целей. Ведь в целом она – крепкий кулак, который наносит удар в наиболее уязвимые места тела противника, в то время как тандем – лишь два пальца. Поэтому создавали их не в массовом порядке, а исключительно поштучно и по мере надобности.

В январе 1956 года, когда возникла необходимость укрепить оперативные позиции в Южной Америке, руководители внешней разведки решили, что оптимальным инструментом

для успешной работы там является супружеский разведывательный тандем, а самыми подходящими кандидатами для брачного союза – опытные нелегалы «Патрия» и «Марко».

Правильность выбора сомнений не вызывала: оба разведчика, за свои убеждения пострадавшие на исторической родине, став гражданами СССР, обрели новую родину и искренне любили ее. Пройдя долгий и тернистый путь в разведке, оба доказали преданность коммунистическим идеалам, состоялись как личности и сделали блестящую карьеру – дослужились до полковничьих звезд. Казалось бы, жизнь разведчиков удалась. Однако при всех их званиях, регалиях и материальных благах оба не имели семейного очага и тяготились одиночеством. К тому же в апреле «Патрии» исполнилось 47 лет, а «Марко» – все 50.

По расчетам начальства, эти обстоятельства должны были способствовать реализации внутриведомственного плана, закодированного как «Супружество». Стоп! Но члены намеченного брачного союза не то что лично не знакомы – даже не подозревают о существовании друг друга. Ничего, – дело поправимое, сейчас важно другое: выяснить, готов ли морально каждый из кандидатов к супружеским отношениям.

Начали с «Марко». Детально ознакомили его с оперативной обстановкой на предстоящем «поле брани» – в Уругвае. Подчеркнули, что он направляется туда для оказания помощи действующей там «Патрии». Показали ее фото в разных ракурсах, не вдаваясь в детали, обрисовали жизненный и боевой путь, черты ее характера. В заключение сообщили, что для повышения КПД уругвайской резидентуры, считали бы целесообразным объединить их в супружеский разведывательный тандем. Как он к этому относится?

«Марко» ответил просто: «Согласен. Ведь танго в одиночку не танцуют!»

Реакция разведчика оправдала надежды начальства – интересы дела он всегда ставил на первое место, для него слова «раньше думай о Родине, а потом о себе» были не просто строкой из песни, а установкой, которую он сделал себе на всю последующую жизнь, однажды придя в разведку.

...Взяв один редут, – получив согласие «Марко», – начальство пошло на приступ крепости по имени «Патрия». А чтобы выяснить ее отношение к замужеству, запустили пробный шар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.